

Миф и идеология как формы дискурса

Блюхер Ф.Н., Институт философии РАН
blukher@iph.ras.ru

Аннотация Различные пропорции представленности в тексте когнитивных, экспрессивных и оценочных метафор соотносятся с типами коммуникативных стратегий создателей текста, а в первую очередь — с видом адресата и темпоральными характеристиками текста. А так как дискурс выполняет замещающую функцию в смысловой структуре высказывания, применение дискурс-анализа может не только помочь понять, с какой формой мифологического или идеологического сознания мы имеем дело в данном конкретном тексте, но и проанализировать скрытые для самого автора семантические коннотации текста.

Ключевые слова: миф, идеология, метафора, коммуникация, дискурс

Соотношения между языком и действительностью кажется абсолютно надуманным, ведь действительность выражается в языке, а язык часто оказывается самой сущностью действительности. Однако, если мы скажем, что речь идет о соотношении «слова» и «дела», то легко согласимся, что слова могут существовать без всяких дел, а настоящие дела часто не нуждаются в словах. Поэтому прежде чем мы приступим к своим исследованиям, нам придется ввести пару метафизических постулатов, просто чтобы ограничить ту действительность, с которой мы будем работать.

Первое. Человек в процессе труда создает вещи и идеи, которые изменяют саму человеческую жизнь. Эти вещи и идеи создаются людьми и для людей. И в процессе их производства, и в процессе потребления вещей, и в процессе воплощения идей люди используют язык, потому что каждый из этих процессов — культурен и социален. Если мы попытаемся символично обозначить данный процесс как непрерывный цикл, то получим следующую цепочку: (идея) вещь - дело - слово - дело - вещь (идея) - дело - слово... Целью нашего исследования в данной цепи является не производство вещей, а производство слов, правда только тех, которые используются для дела.

Второе. Соотношения языка и событий, которые происходят в жизни, наоборот, не стоит выражать столь однозначно как первый постулат. Иногда язык развивается так бурно, что события на его фоне становятся какими-то незначительными: например, современный литературный русский возник в 19 веке и с тех пор изменился незначительно. Иногда события жизни опережают язык: «улица корчилась безъязыкая». Иногда язык и события жизни изменяются почти одновременно, то есть события легко

порождают новые языковые средства, а изменения языка непосредственно изменяет саму жизнь. Тем самым, соотношения исторических событий и изменений языка могут иметь как минимум три вида когерентных соответствий.

Понятием «Дискурс» активно пользуются в последнее время в различных исследованиях гуманитарного цикла. О дискурсе пишут философы, культурологи, искусствоведы и даже экономисты-реформаторы¹. В философских текстах появилось выражение «лингвистический переворот», означающий, что философы теперь изучают не смену форм познания или общественно-политической практики, а смену дискурсов. Однако, в самой лингвистике отношение к исследованию «дискурсов» не столь однозначно. Если мы обратимся к статье «Дискурс» электронной энциклопедии «Кругосвет»², то обнаружим, что, говоря о дискурсе, автор текста имеет ввиду прежде всего стиль речи. Более того, создается впечатление, что исследование дискурса является для лингвистики периферийной темой в силу неопределенности предмета.

Проблема дискурса. Область определения понятий

В отличие от «слова», которое имеет омонимы и «термина», который определен строго и однозначно, «понятие» определяется областью применения или дисциплиной, в которой оно используется. В каком-то отношении понятие близко к термину, но если перенос термина в другую сферу применения делает высказывания с его использованием бессмысленным, то перенос понятия в смежную с данной дисциплиной область создает метафору. Роль метафоры как раз и заключается в переносе значения понятия из одной области исследования в другую с тем, чтобы сделать новую область если не познанной, в силу ограниченности нашего познания, то хотя бы понятной. Так например, понятие «Бог» для теолога имеет значение, которое определяется характером действия Бога в отношении всего существующего, человеческого рода и индивида, если же мы употребляем понятие «бог» в метафорическом смысле, то смысл фразы «Наверное что-то такое в мире существует, почему бы не назвать его Богом» не предполагает ни акта творения, ни Страшного суда, ни индивидуального спасения души. Все это приводит к тому, что ни теолог, ни «верующий» не согласятся, что «Бог» существует только как метафора и скорее сочтут данное высказывание или использование метафоричности понятия «бог» в искусстве

¹ Так В. Найшуль одной из главных задач современной России считает демократизацию общественно-политического языка, суть которого в «размыкании специального и профессионального дискурса» <http://viperson.ru/wind.php?ID=411638&soch=1>

² http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html

оскорблением их религиозного чувства. Поэтому первое, что мы считаем необходимым сделать - это ограничить область применения понятия «дискурс», чтобы понимать, в каком контексте оно употребляется как метафора.

Если мы обратимся к вышеприведенной статье в энциклопедии «Кругосвет», то обнаружим, что авторы выделяют «три основных класса употребления термина «дискурс»: «речь вписанная в коммуникативную ситуацию»; «стилистическая специфика» «способа говорения», создающая «соответствующие ей социальные институты»; «особый идеальный тип коммуникаций... имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации»³. Во всех трех значениях понятие «дискурс» в той или иной мере связано с использованием языка, поэтому мы считаем, что понятие «дискурс» должно получить свое определение в рамках науки о языке. Однако, как мы писали выше, в лингвистике и филологии нет строго определенного значения, которое закрепляется за данным понятием. Скорее, мы видим отсылку к коммуникативной функции языковых выражений, к области, где сам язык используется как средство передачи информации или смысла от одного его носителя другому. Третье определение, принадлежащее Хабермасу, сразу отправляет нас к понятию «идеальной коммуникации». Однако, как раз данный мыслительный ход мы считаем преждевременным в силу того, что скорее типичной ситуацией является та, в которой коммуникация в силу каких-либо причин не происходит.

При этом мы попытаемся не переносить анализ целиком в сферу культурологии и оставаться

в области исследований языка. Коммуникативная функция языка заключается в передаче через речь или текст некоего смысла; если мы считаем, что понимание речи зависит только от коммуникативной ситуации, то мы выходим за пределы филологии. Чтобы остаться в рамках исследования языка, мы должны допустить, что проблема непонимания заключается в самой речи. Мы должны найти решение задачи дискурса в филологии, но допустить при этом, что корни данной проблемы могут быть не в науке о языке.

Из оставшихся двух определений у нас есть одно чисто филологическое, связывающее «дискурс» с предельно широкими стилистическими изменениями в языке, а другое, восходящее к Фуко, увязывает изменения дискурсивных практик с

³ http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html

изменениями социальных институтов. Обратимся непосредственно к тексту Фуко, чтобы точнее понять, о чем идет речь.

Дискурс, по Фуко, это объективная,⁴ выраженная в текстах⁵ система правил⁶, организующая профессиональные группы,⁷ которые через присвоение⁸ и принуждение создают социальные практики.⁹ Дискурс располагается между мыслью и речью,¹⁰ но не относится ни к структурам языка, ни к субъективному мышлению. Однако позднее в предисловии к «Истории безумия в классическую эпоху» Фуко проводит различие между текстом и дискурсом. «Мне бы хотелось, чтобы книга не сводила собственный статус к статусу текста - с этим прекрасно справится педагогика или критика, - но чтобы ей хватило нахальства объявить себя дискурсом, иначе говоря, одновременно сражением и оружием, стратегией и ударом, борьбой и трофеем или боевой раной, стечением обстоятельств и отголоском минувшего, случайной встречей и повторяющейся картиной.»¹¹ Если попытаться понять метафорику более однозначно, то речь, по всей видимости, идет об последующем использовании текста, т.е. о превращении текста в идеологию.

Мы исходим из того, что все определения «дискурса», данные выше, отражают какую-то из сторон реально существующих дискурсивных практик. Но, прежде чем

⁴ В отечественной философской традиции проблема «бестелесного материального» переводилась как «объективно идеальное», к которому относились научные и юридические законы, эстетические нормы, этические императивы.

⁵ «Такие дискурсы хорошо известны в системе нашей культуры: это прежде всего религиозные и юридические тексты, это также весьма любопытные по своему статусу тексты, которые называют «литературными»; в какой-то мере это также и научные тексты» (С. 60)

⁶ К трем важнейшим системам запретов Фуко относит «запрещенное слово, выделение безумия и волю к истине» (С. 58). Под «выделением безумия» понимается речи, не имеющие смысла для образованных, но иногда отражающие истинную суть дела, под «волей к истине» - дисциплинарные и методологические ограничения научного знания, которые в отдельных случаях «заслоняют от нас» желание познать истину. (См. с. 58-59)

⁷ «Существует довольно много сообществ... присвоивших себе медицинский,... «экономический или политический дискурс» (С.72))

⁸ «Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов...», там же, чуть ниже говорится о «формах социального присвоения» (74)

⁹ «Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, во всяком случае - как некую практику, которую мы навязываем...» (С.80)

¹⁰ «Европейская мысль, кажется, не переставала заботиться о том, чтобы для дискурса оставалось как можно меньше места между мыслью и речью, о том, чтобы дискурс выступал только как некоторая вставка между «думать» и «говорить»; как если бы дискурс был мыслью, обличенной в свои знаки, мыслью, которая становится видимой благодаря словам, ровно как и наоборот, - как если бы дискурс и был самими структурами языка, которые, будучи приведены в действие, производили бы эффект смысла» (Фуко Порядок дискурса с. 75 - 76).

¹¹ М. Фуко. История безумия в классическую эпоху. Университетская книга. Санкт-Петербург 1997 с. 22

говорить о «Дискурсе» в широком смысле слова, «Дискурсе», ставшем идеологией и «создавшим социальный институт», мы хотели бы понять, как возникает «дискурс» в узком смысле слова, как стилистические особенности речи влияют на коммуникативную ситуацию.

«Дискурс» - смысл узкого понятия

Возникновение дискурса скорее всего связано с возникновением слова или словосочетания, ведь в конечном счете дискурс - это и есть только слова. Но так как мы не все слова называем дискурсом, - никто ведь не говорит о дискурсе младенца или дискурсе ребенка от трех до пяти лет, - то остается признать, что это или какие-то особые слова, или обычные слова, но в особых условиях. Но сначала рассмотрим, в чем особенности речи ребенка. Понятно, что ребенок может конструировать самые необыкновенные слова, следовательно речь не об особой конструкции слов, а об особых условиях. Особенность речи ребенка заключается в том, что ребенок учит уже готовую речь, он ошибается, экспериментирует, осваивает при помощи речи материальный мир и человеческую культуру, - уже созданный материальный мир и уже готовую культуру. Речь ребенка не становится дискурсом, потому что участие ребенка в коммуникации подчинено целям образования этого ребенка.

Теперь рассмотрим противоположный пример. Поэт Алексей Крученых, создавая «поэтическую заумь», придумал довольно много новых слов, но они не стали дискурсом, ни одно из них не вошло в современный русский язык, они так и остались «продукциями» поэта.

Из этих двух примеров мы можем вывести одно из свойств «дискурса». Дискурс — слово или словосочетание, которое создается участниками коммуникации для обозначения нового явления, которым они пользуются. Но все ли новые слова, - а процесс словообразования в языке происходит постоянно, - становятся дискурсом? Нет, не все. Слово входит в дискурс не из-за новизны, а из-за устойчивого употребления. И отсюда вытекает второе свойство «дискурса», это — словосочетание, которое начинает существовать в языке отдельно и от участников, создавших это словосочетание и от конкретной ситуации, для объяснения которой оно было создано.

Теперь проанализируем процесс создания и функционирования словосочетания, которое впоследствии может стать дискурсом. Здесь мы обратимся ко второму постулату, обозначенному нами ранее. Из трех возможных соотношений языка и действительности мы выберем одну, ту где процесс словотворчества отстает по

скорости от тех изменений, которые происходят в мире. Представим себе, что события, меняющие жизнь, могут происходить так быстро, что новые слова не успевают внедряться в язык и закрепиться в нем. Однако нам все равно нужно пользоваться словами, и в этом случае нам на помощь приходит метафорическое обозначение¹². Мы используем старые слова, но в новых словосочетаниях, передавая новый смысл переносным значением. При помощи метафор создается языковая картина мира, которая «обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфический взгляд на мир — взгляд, являющийся результатом того, в частности, что метафорические обозначения, «вплетаясь» в концептуальную систему отражения мира «окрашивает» ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом.»¹³

Чтобы понять, какие метафоры становятся дискурсом, рассмотрим типологию метафор, описанную В.Н. Телией.

1. Идентифицирующая или индикативная метафора (*коленная чашечка, ножка стола*) жестко связывает два свойства разных объектов друг с другом по типу тождества. В подобной метафоре происходит «перенос названия» на конкретные предметы, реально существующие в мире; метафора часто закрепляется как имя и не создает новых концептов. «Функция идентификации, связанная с «жесткими десигнаторами», не совмещается с субъектно ориентированными модусами по двум причинам: этот тип значения коммуникативно приспособлен к тому, чтобы, с одной стороны, служить средством указания на объект действительности, а с другой — обеспечить картирование мира как объективно данного.»¹⁴

2. Когнитивная метафора (*облако электронов, поле деятельности, путь добра*) строится на основании подобия между обозначаемым и буквальным значением используемого имени. «Когнитивная метафора уподобляет гетерогенное и отождествляет подобие, чтобы синтезировать новое понятие.»¹⁵ Цель когнитивной метафоры скорее логическая, чем лингвистическая, ее задача - отразить новое явление, с которым сталкивается человек, создать его смысловую модель. Как говорил Н. Гудмен: «Не метафора приводит к подобию, а подобие приводит к метафоре.»

¹² Метафору мы понимаем здесь в широком смысле, включая в нее, все остальные литературные тропы.

¹³ Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубряков, В.И.Постовалова и др. М., 1988 С.175.

¹⁴ Телия В.Н. Цит. Соч. С. 193

¹⁵ Телия В.Н. Цит. Соч. С. 194.

Одновременно с этим, с точки зрения лингвистики важно, что у когнитивной метафоры обнаруживается «модус фиктивности угасания – он умирает вместе с осознанием нерелевантности образно-ассоциативного комплекса для истинного обозначения метафоры. Диафоричная в процессе становления и в период «вживления» в обиходно-бытовое или научное миропонимание, угасшая когнитивная метафора начинает функционировать как нейтральное наименование.»¹⁶

3. Образно-эстетическая метафора (*Ночью девушкам приснится, / Прилетит из туч / Конь – мгновенная зарница, / Всадник - беглый луч*) описывает объект по форме «как бы» на основании допущения о подобии. При этом подобие осознается только как возможное тождество, возникшее из-за умозрительно допустимого совмещения. Поэтому данная метафорика почти всегда «авторская» и создается с целью получить определенный «экспрессивный эффект, но не атомарно, а как функция от целостного контекста.»¹⁷

4. Оценочная метафора (*острое зрение, тугой слух, глухой лес*) при описании объекта вводит его в сферу действия оценочной шкалы, причем «не в сфере обозначения качественных или количественных параметров предметов, а фактов.»¹⁸ Последнее достигается при помощи прилагательных, глаголов, скрытых семантических предикатов. При этом выделенный предикатом признак «становится смысловой вершиной оценочного значения наряду с оценкой»¹⁹, выполняя роль катализатора оценочной реакции. Однако и оценочная и когнитивная метафора по мере существования в языке утрачивают свою образность, тем самым избавляясь от психологического напряжения, связанного с первоначальным образом. «Оценка без образа и без экспрессивности – таково конечное содержание оценочной метафоры»²⁰

5. Оценочно-экспрессивная метафора (*Не человек – змея, она брешет, стреляные воробы*) в отличие от оценочной, соотносит внутренний образ с эмоционально окрашенным или оценочно-экспрессивным значением. «Для того чтобы сохранить эффект психологического напряжения, вызывающий в свою очередь эмоциональное воздействие на реципиента, необходимо удерживать метафору в диафорическом состоянии, т.е. ее образно-ассоциативный комплекс должен осознаваться как живой,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Телия В.Н. Цит.соч. С.198

¹⁸ Там же

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же С. 199

что и обеспечивается модусом *как если бы X был подобен Y (в отношении Q)*»²¹ Эмоциональное отношение к обозначаемому передается через эмоционально окрашенное одобрение или неодобрение, «теснейшим образом связано с тем фоновым знанием, которое позволяет говорящему брать на себя или присваивать себе приоритетную роль в некоторой жизненной коллизии, считая объект чувства-отношения в чем-то неполноценным, несовершенным и т.п.»²² У данного типа метафор, как и в оценочных метафорах подобие преобладает над тождеством. «Объект метафоры – то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс – образно-ассоциативные черты некоторого квазистерейотипа, т.е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства (лиса - хитрость), некоторой ситуации (плестись – медленное движение). В таком соположении не только гетерогенных сущностей, но к тому же и такого их подобия, которое создается за счет свойств квазистерейотипа, реальное тождество не может иметь место. Именно по этой причине оценочно-экспрессивная метафора, не преобразуется в чисто оценочное значение даже при угасании образа.»²³ Наиболее активно оценочно-экспрессивная форма метафоры использует такую часть речи как существительное в форме предложения тождества (*X есть Y*), полные прилагательные, обладающие экспрессивно окрашенным значением (*холодный прием, глубокая радость*), отглагольные формы (*ползучие, брешущие*). «Оценочно-экспрессивная метафора используется в сфере наименования непредметной действительности, причем с уже заданным оценочным смыслом. И цель такой метафоризации – этот смысл перевести в эмотивно окрашенный, не нейтральный регистр.»²⁴

Итак, мы используем метафоры, чтобы обозначать явления, которые нас окружают. Каждый из нас знаком с этой ситуацией, когда ищет точные слова для того смысла, который хочет передать другому человеку. Однако назвать явление, смысл которого мы не знаем — лишь одна из задач дискурса. Название дает нам иллюзию понимания, но мы не можем этим удовлетвориться. Так как мы не знаем, насколько точна созданная нами метафора, а лишь убеждены, что она более-менее соответствовала действительности, то используем скорее не идентифицирующую, а когнитивную метафору.

²¹ Там же С. 199

²² Там же С. 200

²³ Там же.

²⁴ Там же С.202

Нам важно, чтобы наша метафора принимались другими участниками коммуникации. Эта задача часто решается нами не сложным и долгим доказательством нашей правоты, а навязыванием собеседникам нашего отношения к явлениям, которые мы обозначаем.

Для этого используется все три типа образных метафор, обозначенных нами выше. Но одна из них менее всего пригодна для целей нашего исследования, это – образно-эстетическая. Для ее эффективной работы нужно два условия: она чаще всего вводится в контексте других метафор и у нее должен быть Автор. Мы готовы признать за таких авторов Лао Цзы, Гесиода, Гомера, Мухамеда и созданные ими произведения, но следует признать, что с ситуацией создания повседневных метафор человек сталкивается в своей жизни гораздо чаще, чем с авторами, использующими эффективно образно-эстетическую метафору. Остается рассмотреть подробнее оценочную и оценочно-экспрессивную метафоры.

Поэтому, чтобы понять «что есть дискурс?», мы исследуем «случайно встречающееся и повторяющееся» в идеологических текстах.

Проанализируем четыре текста, относящихся к 1917 -1919 годам: три отрывка «Декрета о земле», «Декрета о мире» и «Декрета о роспуске Учредительного собрания» и «Обращение главнокомандующего к населению Малороссии». Исследуемые тексты объединяет сравнимое количество слов, один исторический период, одна жанровая направленность, авторская коллективность. Для удобства восприятия выделим в рассматриваемых текстах курсивом *оценочные метафоры*, жирным шрифтом оценочно-экспрессивные метафоры и подчеркиванием когнитивные метафоры. Сначала рассмотрим отрывок из «Декрета о земле»:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. 2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания. 3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне *всему народу*, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего

переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч. 4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в *всенародное достояние* и переходит в пользование всех трудящихся на ней. За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т.под. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во *всенародное достояние* и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их. Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.»

В качестве когнитивных метафор мы обозначили отдельные юридические термины, имеющие тем не менее в филологическом смысле метафорическую основу. В рассматриваемом тексте метафора «пользование всех трудящихся» обозначается как оценочно-экспрессивная в силу эксплицитного исключения из числа народа и трудящихся помещиков и монахов, что в отдельных случаях противоречило эмпирической действительности. В то время как «всенародное достояние» - как просто оценочная, так как широкое распространение социалистических идей стерло экспрессию из употребления данной метафоры.

Вторым проведем анализ текста отрывка из «Декрета о мире»:

«Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24-25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без *малейшей оттяжки* тотчас же все *решительные шаги* впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира *полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций...*

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между *сильными и богатыми нациями* захваченные ими *слабые народности*, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно *справедливых для всех без изъятия народностей* условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанные условия мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая *твердое намерение* вести все переговоры *совершенно открыто перед всем народом*, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению *аннексий великороссов*, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением *к правительствам и народам всех стран* начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т.е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием *представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней*, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.»

Метафора «справедливого и демократического мира» в первый раз рассматривается как оценочная метафора, а второй раз как когнитивная, потому что во вторичном употреблении речь идет об уточнении ранее введенного понятия.

Тексты обоих декретов готовилось как юридические документы, поэтому определенная доля когнитивных метафор должна была присутствовать в них по определению. Посмотрим, какой результат даст нам анализ текстов более идеологически-ориентированных источников. Для начала рассмотрим «Декрет о роспуске Учредительного собрания»:

«Российская революция, с самого начала своего, выдвинула Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как массовую организацию всех *трудящихся и эксплуатируемых классов*, единственно способную руководить борьбою этих классов за

их полное политическое и экономическое освобождение.

В течение всего первого периода российской революции Советы множились, росли и крепились, изживая на собственном опыте иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами и со всяким соглашательством. Таким разрывом явилась Октябрьская революция, передача всей власти в руки Советов.

Учредительное собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением *старого соотношения политических сил*, когда у власти были соглашатели и кадеты.

Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбора между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма. Таким образом, это Учредительное собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти. Октябрьская революция, дав власть Советам и *через Советы трудящимся и эксплуатируемым классам*, вызвала отчаянное сопротивление эксплуататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя, как начало социалистической революции.

Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с *задачами осуществления социализма*, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить *сопротивление имущих классов* и заложить *основы социалистического общества*.

Всякий отказ от полноты власти Советов, завоеванной народом Советской Республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции.

Открытое 5 января Учредительное собрание дало, в силу известных всем обстоятельств, большинство партии правых эсеров, партии Керенского, Авксентьева и Чернова. Естественно, эта партия отказалась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, не допускавшее никаких кривотолков предложение верховного органа Советской власти, Центрального Исполнительного Комитета Советов, признать программу Советской власти, признать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», признать Октябрьскую революцию и Советскую власть. Тем

самым Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и Советской Республикой России. Уход с такого Учредительного собрания фракций большевиков и левых эсеров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Советах и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен.

А вне стен Учредительного собрания партии большинства Учредительного собрания, правые эсеры и меньшевики, ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению ее, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов.

Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет:
«Учредительное собрание распускается».

Хотя перед нами декрет, т.е. документ, имеющий юридический характер, мы видим совершенно другую структуру использования метафор. Основой текста является широкое использование оценочно-экспрессивной метафоры, хотя, скорее всего, его создавали те же авторы, что и предыдущий текст. Теперь рассмотрим очень похожий по структуре использования метафор текст совершенно других авторов.

«Доблестью и кровью армий одна за другой освобождаются русские области от ига безумцев и предателей, давших обманутому народу рабство вместо счастья и свободы.

К древнему Киеву, *«матери городов русских»*, приближаются полки в неудержимом стремлении вернуть русскому народу утраченное им единство, то единство, без которого великий русский народ, обессиленный и раздробленный, теряя *молодые поколения* в братоубийственных междоусобиях, не в силах был бы отстаивать свою независимость; - то единство, без которого немыслима полная и правильная хозяйственная жизнь, когда север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу все, чем богат каждый край, каждая область; - то единство, без которого не создалась бы мощная русская речь, в равной доле сотканная вековыми усилиями Киева, Москвы и Петрограда.

Желая обессилить русское государство прежде, чем объявить ему войну, немцы задолго до 1914 года стремились разрушить выкованное в тяжелой борьбе единство русского племени.

С этой целью ими поддерживалось и раздувалось на юге России движение, поставившее себе целью отделение от России ее девяти губерний, под именем «Украинской Державы». Стремление отторгнуть от России малорусскую ветвь русского народа не оставлено и поныне. Былые ставленники немцев – Петлюра и его соратники, положившие начало расчленению России, продолжают и теперь совершать свое злое дело *создания самостоятельной «Украинской Державы» и борьбы против возрождения Единой России*.

Однако же, от изменнического движения, направленного к *разделу России*, необходимо совершенно отличать деятельность, внушенную любовью к родному краю, к его особенностям, к его местной старине и его местному народному языку.

В виду сего, в основу устройства областей Юга России и будет положено начало самоуправления и децентрализации при *непременном уважении* к жизненным особенностям местного быта.

Оставляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского народного языка. Каждый может говорить в местных учреждениях, земских, присутственных местах и суде – по малорусски. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке. В казенных школах, если найдутся желающие учащиеся, могут быть учреждаемы уроки малорусского народного языка в его классических образцах. В первые годы обучения в начальной школе может быть допущено употребление малорусского языка для облегчения учащимся усвоения первых начатков знания. Равным образом не будет никаких ограничений в отношении малорусского языка в печати.

Промыслом Божиим областям Юга России предуказаны высокая честь и великая ответственность стать *опорою и источником для армий*, самоотверженно идущих на подвиг восстановления Единой России.

В борьбе за Единую и Неделимую Россию я призываю всех верных сынов Родины к *деятельной поддержке армии*, несущей исстрадавшемуся народу избавления от большевистского ига.

Пусть все, кому дороги счастье и величие Родины и успех наших армий в их неудержном порыве к сердцу России - Москве, неустанно работают над созданием и

укреплением в ближайшем и дальнем тылу *прочной опоры* для бойцов, сражающихся на фронте за величие и единство России.»

Метафоры «единства», «неделимости» и «величия» России оцениваются по-разному в силу различия в процедурах обоснования этих понятий. Так же, если метафора «источник армии» может рассматриваться почти как юридический обоснованный термин, предполагающий хозяйственные последствия для населения Украины, то метафора «опора армии» - оценочная, потому что учитывает прежде всего идеологическое отношение населения к Белому движению.

Выразим результаты анализа в сводной таблице.

Название текста	Количество слов	Количество связанных метафорами, (% к количеству слов)	Количество метафор (% по отношению к количеству слов)	Количество когнитивных метафор (% к количеству метафор)	Количество оценочных метафор (% к количеству метафор)	Количество экспрессивных метафор (% к количеству метафор)
Декрет о земле	413	131 (32%)	54 (13%)	45 (83%)	2 (4%)	7 (13 %)
Декрет о мире	429	161 (38%)	49 (12%)	21 (43%)	18 (37%)	10 (20%)
Декрет о роспуске Учредительного собр.	417	195 (47%)	57 (14%)	11 (19%)	7 (12%)	39 (69%)
Обращение к населению Малороссии	445	179 (40%)	61 (14%)	10 (16,5%)	10 (16,5%)	41 (67%)

Перед нами результаты подсчета метафор в четырех текстах. Какие предварительные выводы мы можем сделать на основании нашего исследования?

1. Без использования метафорики не может обойтись ни один текст, и хотя процент количества слов, связанных метафорами, может различаться в границах 15%, количество самих метафор к общему количеству слов колеблется в границах 5%, это объясняется наличием метафор, связывающих в смысловое единство более двух слов.

2. В Тексте «Декрета о земле» наименьшее количество оценочных и оценочно-экспрессивных метафор, в текстах «Декрета о роспуске Учредительного собрания» и «Обращения к народам Малороссии» наименьшее количество когнитивных метафор. Когнитивная метафорика должна в определенном количестве присутствовать в любом тексте, т.к. сама природа текста предполагает функцию референции с объективным миром. Даже в таких сильно идеологизированных текстах как «Декрет о роспуске Учредительного собрания» и «Обращение к народам Малороссии» 15 — 20% метафор — когнитивные. Но человек также и эмоционален, эта эмоциональность обусловлена его связью с другими людьми, по-существу является следствием социальной природы человека. Поэтому вполне возможно, что определенное минимальное количество оценочных и оценочно-экспрессивных метафор также должно присутствовать в тексте. В таком юридически выдержанном и по большей части нейтральном тексте как «Декрет о земле» таких метафор также около 17 %. С учетом статистической погрешности мы можем предположить, что минимальная насыщенность текста оценочными метафорами составляет те же самые 15 — 20%.

3. С учетом того, что примерно 30 — 40% от всех метафор в тексте должно в нем быть постоянно, оставшиеся 70-60% могут нами рассматриваться как переменные. Необходимо понять, от чего зависят колебания этой величины.

4. В «Декрете о земле» к такому переменному слою относятся когнитивные метафоры, в «Декрете о роспуске Учредительного собрания» и «Обращению к населению Малороссии» - оценочно-экспрессивные. Можно предположить, что данное различие в текстах зависит от времени, затраченного на их создание. «Декрет о земле» готовился достаточно долго, т.к. входил в программное положение двух партий (РСДРП и эсеров). В то время как «Декрет о роспуске УС» и «Обращение к народам Малороссии» готовились в коротком временном промежутке, т.к. и вопрос о легитимности власти после Октябрьского переворота, и внезапно реализованная возможность захвата Киева белыми в 1919 году не были системными задачами ни большевиков, ни белого движения.

5. В «Декрете о мире» мы видим примерно равное количество когнитивных (43%) и оценочных метафор (57%), что опять-таки можно объяснить тем же временным

фактором. Хотя отношение к Первой мировой войне было сформулировано большевиками в 1915 году, конкретной проблемой мира для России В.И. Ленин занялся только весной 1917 года. Ведь с точки зрения классической марксистской доктрины никаких отличных от пролетариев и крестьян солдатских представителей не должно было быть. Однако специфика военного времени и внутреннего устройства Российской империи приводит к тому, что «вопрос о мире» становится одним из первоочередных политических вопросов новой власти. Текст документа сбалансирован, так как он одновременно предназначен для внешнего мира, отсюда достаточно большое количество нейтральных когнитивных метафор, и для внутреннего агитационного использования, отсюда преобладание оценочных и экспрессивных метафор.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод: выбор метафорических приемов для создания коммуникации существенно зависит от предполагаемого реципиента коммуникации и от сроков, в которые коммуникативное сообщение актуализируется.

Однако, чтобы закончить исследование метафорической основы возникновения дискурса, нам нужно ответить на еще один вопрос: «в течении какого времени коммуницирующая метафора является для участников коммуникации осмысленной?» Для ответа на него мы обратимся к национальному корпусу русского языка (www.ruscorpora.ru). Если мы сравним статистику употреблений по годам единичных слов, метафор и идиом, то получим различную статистику их употребления. Так, распределение употребления односложных слова «земл*», «мир*», «народ*» дает картину их частого употребления с небольшой амплитудой колебания.²⁵

Если мы рассмотрим употребление метафор «трудяц* класс*», «тяжк* преступлени*» и «завоевани* народ*», то увидим не только значительно меньшую частоту употребления этих метафор, но и основную сосредоточенность этого употребления в примерно десятилетних промежутках.

Употребление же устойчивых идиом «неудержим* стремлени*», «родн* кра*» и «тяжел* борьб*» дает соединения метафорического и словарного графика распределений. Их употребление значительно более частое, поэтому оно практически никогда не прерывается, и общая картина повторяет словарную конструкцию, однако в отдельные, примерно 10—20 летние периоды истории у данных словосочетаний

²⁵ При этом мы должны исключить из рассмотрения период до 1860 года, в силу специфики коммуникационной плотности источников в дореформенной России.

происходят всплески частотности употребления, очень похожие на частотность метафор, назовем их «метафорическими пиками».

Прежде чем сделать выводы мы должны высказать соображения о репрезентативности поиска по корпусу русского языка для исследования дискурса. В данном случае мы не ставим вопрос о глобальной репрезентативности корпуса. Для тех задач, которые мы решаем, использование корпуса впервые дает эмпирически обоснованный материал. Любое ограничение количества текстов, в том числе и приведенное нами выше исследование, может быть подвергнуто критике как использование только тех источников, которые заведомо подтверждают выдвигаемую гипотезу. В этом плане, полученные с использованием корпуса русского языка результаты могут считаться существенно более объективными и обоснованными, т.к. массивы просчитываемых текстов при исследованиях без использования корпуса и с его использованием несоизмеримы.

Итак, у нас есть три результата. 1. Метафора делает текст, описывающий незнакомую ситуацию, единицей коммуникативного сообщения. При этом в качестве экспрессивных метафор используется антропологическая метафорика. Это обусловлено тем, что коммуникативная взаимосвязь происходит через взаимное моделирование мира теми средствами, которые есть у каждого человека, и прежде всего это сам человек. Но, строя антропные метафоры, человек невольно закладывает в них этическую и утилитарную оценку своего состояния. В отличие от когнитивных метафор, созданных для описания объектного мира, утилитарные и этические метафоры постоянно подвергаются эмпирической проверке и, следовательно, могут быть относительно легко девальвированы.

2. Большинство метафор в тексте являются непостоянными. Чем меньше времени есть на создание текста, тем более экспрессивный характер носит применяемая метафорика. При этом в более широком лингвистическом плане происходит одновременно два процесса: а) частичная девальвация при переходе от экспрессивной метафоры к оценочной б) девальвация оценочной метафоры при переходе к когнитивной. По существу, при рассмотрении дискурсивных форм, мы имеем два разных временных процесса. Процесс создания дискурса как коммуникативного средства занимает относительно незначительные временные промежутки в районе одного-двух лет, в то время как процесс изменения дискурса может занимать достаточно длительные временные промежутки и в отдельных случаях может приобретать устойчивые формы идиоматических выражений языка.

3. Метафора, создаваемая для объяснения нового — неустойчива. Даже достигая широкого коммуникативного распространения в отдельные периоды истории ее устойчивое употребление ограничено 10—15 годами. Поэтому, если мы под дискурсом понимаем только стилевые особенности речи, только употребление тех или иных понятий, мы должны будем признать, что время смены дискурсов должно быть ограничено 10—15 годами. Однако существование социальных институтов, а именно на эту особенность воздействия речи на общество указывает М. Фуко, занимает гораздо большие промежутки времени, поэтому необходимо объяснить, как дискурс может приобрести такую форму устойчивости, которая окажет влияние на саму форму существования человека.

Следовательно, чтобы получить ответ на вопрос «что есть дискурс в широком смысле слова?» мы должны рассмотреть случаи, при которых первичная метафорика закрепляется в языке в качестве идиоматических выражений. Для этого мы будем исследовать две формы, в которых это происходит — миф и идеологию.

Миф как форма существования дискурса

Прежде всего мы сразу должны сказать о смене единицы анализа текста. До этого единицей анализа было использование метафорического словосочетания в отрывке текста. В конце концов для установления коммуникации вполне достаточно словарного запаса «Элочки-людоедки», а при устоявшемся диалоге слова «ага» и «дык» также несут смысловую нагрузку. Однако при установлении смысловой коммуникации мы должны использовать не столько лексическую, сколько грамматическую форму языка, то есть единицей дискурс-анализа становится не метафора, а использование метафоры в предложении, и тем самым единицами нашего анализа становятся подлежащие, сказуемые и второстепенные члены предложения.

Вслед за У.О.Куайном и академиком Ю.Д.Апресьяном мы считаем, что основную смысловую нагрузку в предложении несет на себе сказуемое, чаще всего выраженное в форме глагола. Подлежащие же и второстепенные члены предложения исполняют роль переменных. При этом элементарные предложения в индоевропейских языках имеют двухкомпонентную структуру подлежащего и сказуемого,²⁶ поэтому мы можем утверждать о тесной смысловой связи этих членов предложения. Однако на уровне

²⁶ Однословные предложения как по отглагольно-безличному образцу: «Смеркалось.», так и по собственно-именному: «Ночь.» в данном тексте не рассматриваются т. к. описывают чаще всего констатацию происходящих событий или состояний, имеющих ярко выраженный природный характер.

анализа метафорики мы выяснили, что одними из важных черт дискурса являются его избыточность и неустойчивость, поэтому первоначально мы обратимся к второстепенным членам предложения.

Дискурс в широком смысле - это не индивидуальная речь, поэтому если мы считаем, что существует авторский стиль Пушкина, Достоевского, Твардовского, то проявление дискурса нужно искать не в текстах, которые подчинены закономерностям авторской стилистики. Суть дискурса – установления коммуникации посредством речи. Поэтому в текстах, которые мы анализируем, нужно искать то, что не зависит от автора, то, что делает речь средством коммуникации помимо воли и желания автора.

Что объединяет три платоновских мифа «о пещере», «об Атлантиде» и «о загробном существовании души»? Во всех них речь идет о неизвестном человеку пространстве, в котором происходят важные для объяснения человеческой жизни события, причем настолько важные, что только они-то и делают эту жизнь осмысленной.

«Итак, друг, рассказывают прежде всего, что та Земля, если взглянуть на нее сверху, **похожа на мяч, сшитый из двенадцати кусков кожи и пестро расписанный разными цветами.** Краски, которыми пользуются наши живописцы, могут служить образчиками этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда **более яркими и чистыми.** В одном месте она **пурпурная и дивно прекрасная, в другом золотистая, в третьем белая – белее снега и алебаstra;** и остальные цвета, из которых она складывается, такие же, только там их **больше числом и они прекраснее всего,** что мы видим здесь. И даже самые ее впадины, хоть и **наполненные водою и воздухом, окрашены по-своему и ярко блещут пестротой красок,** так что лик ее представляется **единым, целостным и вместе нескончаемо разнообразным.**

Вот какова она, и, подобные ей самой, **вырастают на ней деревья и цветы, созревают плоды, и горы сложены по ее подобию, и камни – они гладкие, прозрачные и красивого цвета.** Их обломки – это те самые камешки, которые так ценим мы здесь: **наши сердолики, и яшмы, и смарагды,** и все прочие подобного рода.

А там любой камень такой или еще лучше. Причиною этому то, что **тамошние камни чисты, неизъедены и неиспорчены** – в отличие от наших, которые **разъедает гниль и соль из осадков, стекающих в наши впадины:** они приносят **уродства и болезни камням и почве, животным и растениям.»**²⁷

²⁷ Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. Ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 86 — 87.

В тексте мы выделили жирным шрифтом отрывки при помощи которых Платон описывает особенности мифологического места, в котором душа после смерти может созерцать чистые идеи. Посмотрим с точки зрения того же литературного приема на описание Атлантиды.

«Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корму хватало не только для всех прочих живых существ, населяющих **болота, озера и реки, горы или равнины**, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого. Далее, все благовония, которые ныне питает земля, будь то **в корнях, в травах, в древесине, в сочащихся смолах, в цветах или в плодах**, – все это она рождала там и отлично взращивала. Притом же и всякий **нежный плод и злак**, который мы употребляем в пищу или из которого готовим хлеб, **и разного рода овощи, а равно и всякое дерево**, приносящее **яства, напитки или умащения**, например, **непригодный для хранения и служащий для забавы и лакомства древесный плод**, а также **тот, что мы предлагаем на закуску пресытившемуся обедом**, – всё это тогда под воздействием солнца священный остров порождал **прекрасным, изумительным и изобильным.**»

Правда, в текстах Платона этот литературный прием используется не часто, в мифе о пещере он отсутствует. Однако и мифы Платона, это не совсем мифы, а литературные вставки в философские диалоги. Но для нас важно другое, конструируя миф Платон вынужден при описании того «места, которого не существует» прибегать к аллегорически избыточному употреблению однородных членов предложения, которые по большому счету не дают нам никаких необходимых знаний о сущности этого места. Чтобы показать, что это не авторский стиль Платона, обратимся к тексту Бердяева, в котором он так же описывает «место, которого нет».

«У более мужественных народов запада, получивших католическое или протестантское религиозное воспитание, **более резко очерчены все границы, более отделено добро от зла, Бог от дьявола**, чем в русской безбрежности. Мир католический соблазнялся дьяволом, как злом, но этот **резко оформленный, кристаллизованный и познавший свои границы мир** нелегко соблазняется антихристом - злом, принявшим обличье добра. **Сатанизм, диаволизм** был всегда специальностью мира **католического, романского**; антихрист же есть специальность мира **православного, славянского**, с его **безбрежностью и безгранностью...**

Запад забронирован, забронирован всей своей религией, своей культурой, всей своей активной, мужественной историей, своим рыцарским прошлым, своим свободным подчинением закону и норме.»

Мы видим использование того же самого приема. При описании религиозной психологии западноевропейских народов Бердяев применяет аллегорически

избыточную метафорику. Скорее всего это происходит потому, что Бердяев также конструирует миф особой западной религиозности, которая противоположна российскому религиозному опыту. Но может быть перед нами специфический литературно-философский дискурс, который возникает в силу того, что философ вынужден работать с абстракциями, выходящими за пределы повседневного человеческого опыта? Чтобы показать, что это не так, рассмотрим принципиально другой текст. Перед нами отрывок из обвинительного заключения А.Я. Вышинского на «право-троцкистском» процессе 1938 года.

«С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и страшнее **цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений**, совершенных подсудимыми, всю **отвратительную цепь злодеяний**, перед которыми меркнут и тускнеют злодейства **самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников**. В самом деле, какой судебный процесс из всех тех, которых, **в силу условий классовой борьбы и ожесточенного сопротивления** Делу социализма со стороны наших врагов, прошло у нас за последнее время немало, может сравниться с нынешним процессом **по чудовищности, наглости и цинизму преступлений**, совершенных этими господами! В каком другом процессе удалось **вскрыть и обнаружить с такой силой и глубиной подлинную природу этих преступлений**, с такой силой **сорвать с лица негодяев их коварные маски и показать всему нашему народу и всем честным людям всего мира звериное лицо международных разбойников, искусно и умело направляющих руку злодеев против нашего мирного социалистического труда, воздвигнувшего новое, счастливое и радостно-цветущее социалистическое общество рабочих и крестьян!**»

Все четыре текста объединяет одно. Перед нами дискурсивная форма конструирования мифа. То, что процесс по «право-троцкистскому блоку» конструировался в мифологической форме показывает уже поверхностный анализ публикации обвинительного заключения в официальной печати.

«Слушается дело Бухарина Николая Ивановича, Рыкова Алексея Ивановича, Ягоды Генриха Григорьевича, Крестинского Николая Николаевича, Раковского Христиана Георгиевича, Розенгольца Аркадия Павловича, Иванова Владимира Ивановича, Чернова Михаила Александровича, Гринько Григория Федоровича, Зеленского Исаака Абрамовича, Бессонова Сергея Алексеевича, Икрамова Акмаля, Ходжаева Файзуллы, Шаранговича Василия Фомича, Зубарева Прокопия Тимофеевича, Буланова Павла Петровича, Левина Льва Григорьевича, Плетнева Дмитрия Дмитриевича, Казакова Игнатия Николаевича, Максимова-Диковского Вениамина Адамовича и Крючкова Петра Петровича, обвиняемых в .. »

Даже список обвиняемых опубликованный в «Правде» содержит архаичную троичную структуру: трое главных обвиняемых - Бухарин, Рыков, Ягода; трое «троцкистов» — Крестинский, Раковский, Розенгольц; трое «министров» - Иванов, Чернов, Гринько; в тройку «вредителей» в национальных компартиях — Зеленского, Икрамова и Ходжаева, вклинивается Бессонов из тройки стоящих за ними «шпионов» — Бессонова, Шаранговича, Зубарева; а перед тройкой врачей — Левин, Плетнев, Казаков, ставится один из тройки «секретарей» - Буланов, Максимов-Диковский, Крючков; итого 21 человек и, кстати, трое из них — «троцкист», «шпион» и врач - не приговорены к высшей мере. Такое впечатление, что сначала была создана троичная мифология процесса, а потом под нее подбирались фигуранты.

Но есть и существенные различия. Платон при помощи избыточных второстепенных членов предложения описывает участки земли, которые никто не видел. Бердяев при помощи того же приема пытается анализировать чужой опыт религиозного переживания. Вышинский так же описывает несуществующую фантазмагорию, которая, к несчастью для некоторых людей, осуществляется. И здесь необходимо небольшое уточнение к дискурс-анализу мифа. Коммуникация устанавливается не ради самой коммуникации. Цель установления коммуникации - совместная социальная деятельность, и если для этого используется форма мифа, то и совместная деятельность подчиняется мифологической форме. О каких же формах идет речь?

Признаки, по которым мы можем вычленить мифологическое сознание и порождаемые им тексты, были сформулированы Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским. Характерно, что они описывают все три члена предложения, о которых мы писали выше: пункт 1 и 2 относятся к сказуемому, 3 и 4 к второстепенным членам предложения и 5 к подлежащему.

1. «Между описываемым миром и системой описания»²⁸ признается изоморфизм.
2. Понимание в мифологии связано «с узнаванием, отождествлением»²⁹.
3. Мир в мифологическом сознании состоит из объектов одноранговых, но иерархичных в семантически-ценностном плане; нерасчлененных на признаки, но

²⁸ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура / Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1 Семиотика истории. Семиотика культуры. М., Школа «Языки русской культуры», 1996, С. 433.

²⁹ Там же С. 434.

расчлененных на части; однократных, но одновременно рассматриваемых в связи с другими предметами как один предмет.³⁰

4. Любая часть в мифологическом мире не характеризует целое, а отождествляется с ним.³¹

5. «Знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени»³²

Если мы рассмотрим с точки зрения данных признаков приведенные выше мифы Платона, то легко установим, что миф из «Федона» под данные признаки подходит, в то время как миф об Атлантиде — нет. В этом нет ничего странного, поскольку «Атлантида» - это не столько миф, сколько модель идеального государства. Поэтому описание ее хотя и было заведомо избыточно, тем не менее, повторяло структуру описания естественной человеческой жизни, в условиях изобилия, этому то изобилию и посвящены платоновские аллегории. В то время как для описания платоновского «мира Идей» требовались более сильные средства. Избыточная цветовая метафорика связана даже не столько с местом, сколько с телесной природой платоновских идей, они, как известно, состояли из света и должны были быть отчетливыми при умозрительном созерцании. Параллель между красивыми камнями мира идей и нашими драгоценными камнями наводит на параллель прямого созерцания идей и их воспоминанием в нашем мире. Предположив, что после смерти чистые души не должны попадать в Аид, Платон был вынужден конструировать идеальное место для существования идей не на основании подобия с нашим миром, а на основании очищения нашего мира. Характерно, что Платон не дал название для своего «мира идей», возможно в силу того, что в этом мире жили не только «чистые души», но и Боги.

В мифе Бердяева мир, который он описывает, имеет имя - «Запад». Этот условный «Запад», хотя «получил католическое или протестантское религиозное воспитание», но одновременно «католический и романский»; хотя и «соблазнялся дьяволом, как злом», защищен от него «всей своей религией, своей культурой, всей своей активной, мужественной историей, своим рыцарским прошлым, своим свободным подчинением закону и норме.» Все эти части мифического Запада ничего не могут нам объяснить и потому только отождествляются с самим Западом. Перед нами, безусловно, миф, при помощи которого Бердяев пытается объяснить религиозное

³⁰ См. там же С. 435

³¹ Там же

³² Там же С. 436

основание большевизма. Средство выбрано неправильно, и все предсказания философа не сбываются, кроме синкретического мифа «Запада», - тот продолжает успешно существовать и по сей день.

Наконец, последний миф по имени «Социалистическое общество рабочих и крестьян». Конечно, нужно объяснить, почему мы считаем словосочетание «Социалистическое общество» именем, ведь в приведенном отрывке речь идет прежде всего о «преступлениях» «врагов» данного общества. Как мы писали выше, подлежащее и второстепенные члены предложения выступают в мифологическом сознании в роли переменных членов, субъект действия и объект оказываются связанными между собой. Герой получает свой статус не благодаря действиям, которые он совершает, а благодаря сложности той проблемы, которая при его помощи разрешается. Давид может быть кем угодно, но если камень именно из его пращи убивает Голиафа, то он и становится главным героем битвы. А так как некоторые случайные события простым соотношением сил объяснить не удастся, логично предположить, что на стороне заведомо «слабого» выступает кто-то «невидимый»: сильный: Мерлин, бог или Богородица. Поэтому заведомо чрезмерное описание противостоящего субъекту действия врага, особенно если этот враг уже повержен, в мифологическом сознании непосредственно влияет на возвеличивание героя. Попробуем понять, кто этот герой.

Когда читаешь материалы процесса 1938 года в глаза бросаются две странности. Первое, речь обвинителя, которого нельзя заподозрить в отсутствии культуры, перенасыщена инвективами в адрес обвиняемых, причем эти инвективы не разбросаны по тексту равномерно, а сгруппированы в отдельных местах обвинительного заключения. Второе, можно представить себе состояние человека, готового сделать все, чтобы он сам и его близкие остались живы в рамках полностью абсурдного обвинения, но повторять при этом инвективы прокурора в рамках судебного процесса совершенно нелогично. Остается предположить, что данные фразы вставлены в тексты процесса не случайно, что они являются структурным элементом содержания судебного процесса. Так как все, в том числе и подсудимые, признают экстраординарный характер даже не своих преступлений, - как мы понимаем речь на процессе о конкретных преступлениях не шла, - а самого своего существования, то в соответствии с принципом изоморфизма, Бухарину, Рыкову, Ягоде и их сообщникам по логике «части — целого» должно было что-то противостоять.

На это нечто как на антагониста поименованных «право-троцкистов» должны были целиком перенесены прямо противоположные качества заклеянных врагов народа. Судя по текстам, в качестве положительного героя была выбрана не «партия ВКПб», а «Советский Союз» и «Социалистическое общество». Приведем сравнительную таблицу инвектив в свой адрес и характеристик Советского государства некоторых участников процесс.

Фамилия	Инвективы	Характеристики государства
Бухарин	Злодейские преступления, проклятые ряды, преступные и злодейские разговоры, зловонное подполье.	Гигантской социалистической стройки, с неизмеримыми масштабами, задачами, победами, трудностями, героикой. Мощь пролетарского государства. Полная моральная победа СССР. Радости новой жизни. Великая мощь СССР. Расцвет СССР, в его международном значении.
Гринько	Политическое растление, ближайшие мои дружки, злодеяния "право-троцкистского блока", чудовищные убийства лучших людей нашей страны, чудовищного двурушничества. Изменой, черной, как ночь, из мелкобуржуазного болота, язва двурушничества, злодейский заговор.	Советской власти народ поднят на высоту. Богатейшей индустриальной и колхозной страной, подняли на небывалую высоту национальную культуру Украины. Отношение теплое, товарищеское ободрение, поддержку, успокоение.
Шарангевич	Мерзкие, подлые, подлой предательской деятельности, гнусные кровавые изменнические преступления, спрятаться за спины своих сообщников.	Вся мощь Советской власти, Советского Союза, советского народа
Розенгольц	Беспринципная, грязная банда убийц, шпионов,	Прекрасной Советской землей, прекрасные новые всходы, подъем в

	провокаторов и отравителей, это грязная банда пособников капитализма.	Советском Союзе, какого не имеется нигде в мире. Полнокровную жизнь, блещущую радостью и красками. Энтузиазм в труде, веселый, радостный смех, вольная песня, пляска, где была бы такая прекрасная любовь. Великий, могучий, прекрасный Союз Советских Социалистических Республик, идущий от одной победы к другой, над которым сияет прекрасное солнце социализма!
Крестинский	Нашептывал мне Троцкий, наше озлобление.	Богатство в Советском Союзе, рост благосостояние трудящихся, огромный культурный подъем .
Чернов	Неслыханно чудовищные преступления, арсенал бандитов, шайка озверевших чиновников.	Сила Советского государства , Советский народ одержал невиданную победу. Сознание этой силы Советской власти и Советского государства привели к тому, что я дал искренние, правдивые показания. Своей последующей честной работой перед родиной, перед великой Советской страной.

Конечно, за всем этим стоит «Сталин, - гений освобожденного человечества» (Гринько), «большевистская партия с лучшими традициями энтузиазма, геройства, самопожертвования, какие только могут быть в мире, под руководством Сталина» (Розенгольц), однако, как не велик Сталин, « - он творец», но «в действительности за Сталиным стоит вся страна, надежда мира» (Бухарин). «Советская власть», «социалистическое государство», «советская страна», «большевистская партия» сменились одним именем собственным «Советский Союз». Совершенно разные понятия «государство». «власть», «партия», «страна» стали частью одного имени и отождествились с ним. С этого момента, а особенно после победы в Великой Отечественной войне сама история СССР становится эталоном прогресса и «единственно верным» образцом прогрессивного развития общества. Имя

окончательно мифологизируется, так как даже земная история становится его неотъемлемой частью.

Миф относительно устойчивая форма существования дискурса. Именно на третьем московском процессе окончательно оформился миф об СССР, который, с различными трансформациями, просуществовал до 1991 года. Может быть именно поэтому, несмотря на всю абсурдность обвинения, многочисленные свидетельства сфабрикованного следствия и очевидность использования физического и психологического давления на обвиняемых, в течении 50 лет материалы процесса не были пересмотрены, а большинство участников процесса реабилитированы только по происшествию этих 50 лет. Более того, процесс пережил своих создателей в метафизическом плане. Большинство непосредственных организаторов процесса были вскоре репрессированы по не менее абсурдному поводу, а Сталин в 60-70-ые годы превратился в персонаж анекдотов

Итак, перед нами дискурс в мифологической форме, но тем не менее, практически в чистом виде. Что же его характеризует.

1. Метафорические структуры дискурса приводят к созданию социальных институтов.

2. Вновь возникший дискурс замещает старый с такой силой, что метафоры старого дискурса становятся не то чтобы непонятными, а бессмысленными.

3. Так как несущей конструкцией мифологии является грамматическая связка отождествления подлежащего и второстепенных членов предложения, применение других глаголов в качестве сказуемого становится второстепенным и в целом подчиняется первичной конструкции «есть», «является», «существует», поэтому выбор отглагольной формы причастия и деепричастия не является произвольным и целиком подчиняется логике мифа.

4. Все характеристики, которые были применимы к главному элементу дискурса, целиком переносились на его части, не только институты, но и отдельные люди отождествлялись с главным элементом мифа.

5. Так как основные члены дискурса, - второстепенные члены предложения и прежде всего обстоятельства места и времени, - оказываются непосредственно отождествлены с подлежащим, вся связка ведет себя как «естественный элемент» природного характера (так устроен мир).

6. В предыдущей главе мы писали о процессе естественной девальвации метафор. Мифологическая форма тормозит этот процесс, подстраивая его под время

существования социальных институтов, но отменить естественный процесс смены лексических форм невозможно, поэтому вновь возникшие метафоры либо превращаются в идиомы, либо девальвируются посредством иронии или юмора.

Попытаемся продемонстрировать это на примерах.

1. Создание новых институтов. Первое и самое очевидное это переименование Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в Коммунистическую Партию Советского Союза, в словосочетании ВКП(б) всесоюзный - одно из прилагательных, а существительным и, соответственно, активным субъектом все же является Партия, в КПСС именно Советский Союз является опорным существительным и самостоятельным субъектом. Так отказ от партии в 1991 году не приводит к немедленному разрушению институциональной основы СССР. С упразднением Коминтерна возникает метафора «дружба народов» и вслед за ней организуются многочисленные общественные организации «международной дружбы». Например, «общество советско-китайской дружбы» - 1947 г., Университет дружбы народов — в 1960 году, наконец, в позднесоветское время - многочисленные клубы интернациональной дружбы. Метафора «борьба за мир» приводит к созданию «Советского комитета защиты мира» в 1949 году и к «Советскому фонду мира» в 1961. Но больше всего новых метафор приходится на слово «советский». Антифашистский комитет советских женщин» созданный в 1941 году в 1956 переименовывают в «Комитет советских женщин». Метафора «социалистическая законность» приводит сначала в 1947 году к созданию «судов чести», а затем в 1958 к постановлению об обязательном участии во всех судах первой инстанции судьи и двух народных заседателей. Целый ряд метафор «страны народной демократии», «страны социалистической ориентации», «национально-освободительные движения» приводит не только к увеличению количества делегаций на партийных съездах, но и к существенному финансированию в рамках «всемирной борьбы за дело мира и социализма во всем мире», создания института кураторов и советников чаще всего по линии КГБ и ВЛКСМ.

2. Обесмысливание старого дискурса. Большинство из метафор, описывающих партийные дискуссии 20-х годов, в 60—80 годы XX века утратили значение. Никакой разницы между «правой оппозицией» и «левой оппозицией», «правыми уклонистами» и «национал уклонистами» в стране, где вообще не было публичной демократии и открытой политической борьбы, люди не видели. Заучивание учебника истории КПСС только для сдачи экзамена было бессмысленным делом. Более того, сами эти

словосочетания исчезают из употребления. «Левая оппозиция» не зафиксирована в корпусе русского языка с 1947 по 1966 и с 1982 по 1986 года, а «правая» - с 1940 по 1956 и затем в 1983, 1984 годах. Частотность употребления слова «интернационал» падает после 1938 года в 2-3 раза и уже никогда в течении XX века не возвращается на прежний уровень. Слова из партийного гимна «Лишь мы, работники всемирной Великой армии труда, Владеть землёй имеем право» превратились в пустую фразу в феврале 1938 года при принятии постановления Политбюро «О дачах ответственных работников», и в феврале 1949 году постановлением Совета Министров СССР «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих».

3. Зависимость выбора второстепенных деталей от основной фабулы мифа.

Конечно, сложно привести пример отказа от каких-то речевых оборотов, так как мы имеем дело в основном с документами и постановлениями, утверждающими какие-либо действия. Лучше всего данное положение можно проиллюстрировать на примере обсуждения Сталиным, Молотовым и Ждановым второй серии фильма «Иван Грозный» в присутствии Эйзенштейна и Черкасова, состоявшейся в 26 февраля 1947 года. Жирным шрифтом мы будем выделять **основной мифологический штамп**, а курсивом, то что *должно быть изменено в деталях*. Для удобства текст будет разбит на смысловые отрывки.

«Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель,... Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что **он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния.** *В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России.* Еще больше допустила его Екатерина...

Жданов. Эйзенштейновский Иван Грозный получился невзрастеником.

Молотов. Вообще сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний...

Молотов. Вторая серия очень зажата сводами, подвалами, нет свежего воздуха, нет шири Москвы, нет показа народа. Можно показывать разговоры, можно показывать репрессии, но не только это.

Сталин. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким.

Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. **Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени.** А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... **Нужно было быть еще решительнее.»**

Чтобы у нас не сложилось впечатление, что данный дискурсивный прием принадлежит исключительно тов. Сталину и времени его правления, возьмем отрывок из отчетного доклада М.С Горбачева на XXVII съезде КПСС:

«В течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, **практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались.** *Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма* — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления.

Ситуация требовала перемен, но в центральных органах, да и на местах стала *брать верх своеобразная психология: как бы улучшить дела, ничего не меняя.* Но так не бывает, товарищи. Как говорят, остановишься на миг — отстанешь на версту. *Нельзя уклоняться от решения назревших проблем. Подобная позиция слишком дорого обходится стране, государству, партии.»*

Безусловно, запись беседы и литературно обработанный текст отчета съезду - совершенно разные типы жанров и, если в первом речь представлена практически в чистом виде и все обозначенные нами приемы налицо, то отрывок ,произнесенный М.С. Горбачевым, требует некоторой интерпретации. **«В стране — застой**, и его составляющие *медлительность, инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизм.* **Нужны перемены**, но *верх взяла своеобразная психология: как бы улучшить дела, ничего не меняя. Нельзя уклоняться от решения назревших проблем. Подобная позиция слишком дорого обходится* стране, государству, партии.» По-существу, перед нами ровно тот же дискурсивный прием, что и в тексте беседы, когда вокруг основной фразы мифологемы строится зависимый от нее ряд аллегорий, которые развертывают смысл основной фразы, но не прибавляют к ее смысловому содержанию ничего нового. Особенно это видно в документах, на длительную литературную подготовку которых у власти не хватало времени. Так, беседа с чехословацкой правительственной делегацией 9 июля 1947 года по поводу согласия Чехословакии принять участие в совещании 12 июля в Париже (обсуждался план Маршалла) проходит в следующем дискурсивном ключе:

«Мы были удивлены, что Вы решили участвовать на этом совещании. **Для нас этот вопрос – вопрос дружбы Советского Союза с Чехословацкой республикой.** Вы объективно помогаете, хотите Вы этого или нет, но помогаете изолировать Советский Союз. Вы смотрите, что получается. Все страны, которые имеют с нами **дружественные отношения**, не участвуют на этом совещании, а Чехословакия, которая тоже находится в **дружественных отношениях** с нами, участвует. Значит, решат они, **не такая уж крепкая дружба у Чехословацкой республики с Советским Союзом**, раз ее так легко удалось перетянуть на сторону изоляции Советского Союза, против Советского Союза. **Это будет расценено как победа против Советского Союза. Мы и наш народ не пойдем этого.** Вам необходимо отменить свое решение, надо отказаться от участия на этом совещании, и чем скорее Вы это сделаете, тем будет лучше.

Масарик просит тов. Сталина учесть, что Чехословацкому правительству было известно о зависимости чехословацкой промышленности от запада. Представители промышленности считали целесообразным участвовать на совещании, с тем чтобы не упустить случая получить кредит. Одновременно с этим приехала в Прагу польская делегация и заявила нам, что они решили участвовать на совещании в Париже. В результате решение Чехословацкого правительства об участии на совещании в Париже 12 июля 1947 г. было вынесено единогласно всеми политическими партиями.

Дальше Масарик продолжал, что он не собирается снимать с себя ответственности за то, что и он был за участие на этом совещании, но просит учесть, что этим решением *ни он, ни правительство Чехословацкой республики ничего не хотели сделать плохого против Советского Союза.* Масарик в заключение просит тов. Сталина и тов. Молотова облегчить им положение.

Тов. Молотов замечает Масарику, что само **Ваше участие в совещании будет против Советского Союза.**

Масарик отвечает, что он, правительство, все партии и весь чехословацкий народ не хочет и не сделает ничего против Советского Союза

Тов. Сталин говорит, что **мы не сомневались и не сомневаемся в Вашей дружбе к нам, но на деле объективно получается наоборот.**

Дртина говорит, что он от своего имени и от партии, к которой он принадлежит, заявляет, что *если наше решение идет против Советского Союза, то моя партия не хочет этого и не будет этого делать, моя партия не будет делать даже того, что давало бы повод истолковывать наше действие против Советского Союза.* Одновременно с этим Дртина просит учесть, что Чехословацкая республика отличается от всех других славянских стран, кроме СССР, тем, что ее экспорт и импорт на 60% зависит от западных стран.»

В данном случае метафора «дружбы Советского союза и Чехословакии» и производные от нее смысловые обороты оказывается единственным, но как мы можем видеть достаточно эффективным инструментом. При этом все аргументы, которые исходят из структуры чехословацкой промышленности, из состояния ее финансов, наконец из состояния внутри и внешнеполитических процессов в Чехословакии игнорируются. В конце-концов, ответная аргументация приобретает крайне лапидарную форму «мы не хотим ничего плохого». В этом отрывке хорошо видно, как противостояние мифологического дискурса речи, построенной с применением иных дискурсивных форм, так и освоение носителями этих форм мифологических дискурсивных приемов.

4. Институты и отдельные люди отождествляются с главным элементом мифа.

Фраза «У советских собственная гордость: На буржуев смотрим свысока.» написана в 1925 году, и в этом случае «гордость» определяется в соотношении с классовой шкалой. После войны основания этических ценностей меняются.

«Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире... Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он - зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия. Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.»

Это отрывок из обращения ГКЧП к советскому народу от 18 августа 1991 года. Как мы видим, эмоциональные переживания начинают зависеть от могущества Советского Союза. Советский человек стал частью даже не передового общества, а именно страны. И начинал требовать от остальных граждан точно таких же переживаний.

Советский писатель должен писать и жить по-советски. Мифологический дискурс не только отображает общественную мораль и эмоциональные переживания, - он должен их формировать. Именно отсутствие правильных, с точки зрения эмоциональных переживаний, текстов ставится в вину Синявскому и Даниэлю; да, они переправили свои произведения на Запад, но судят их не за это, точнее - не только за это. В основании обвинительного заключения - разбор литературных произведений, именно они должны быть признаны антисоветскими. Синявский в своем заключительном слове непосредственно указывает на данный факт:

«Тут действительно очень странно и неожиданно художественный образ теряет условность, воспринимается обвинением буквально, настолько буквально, что судебная процедура подключается к тексту как естественное его продолжение³³.... Позиция обвинения такая: художественная литература { — форма } агитации и пропаганды; агитация бывает только или советская или антисоветская, раз не советская, значит антисоветская.»

Более того, то, что не укладывается в данную мифологическую форму, может просто не восприниматься. Сами переживания формируются в соответствии с мифологическим сознанием. Возможно, что это происходит в сфере сложных эмоциональных функций, которые возникают в половозрелом возрасте и воспринимают существующий в обществе общественный дискурс, как естественную среду осуществления переживания. Именно на это указывает Даниэль.

«По поводу другого моего произведения — то же самое: почему вы написали «Искушение»? Я объясняю: потому, что считаю, что все члены общества ответственны за то, что происходит, каждый в отдельности и все вместе. Может быть, я заблуждаюсь, может быть, это ложная идея. Но мне говорят: «Это клевета на советский народ, на советскую интеллигенцию». Меня не опровергают, а просто не замечают моих слов. ...»

Однако самое любопытное в данном процессе то, что и Синявский, и Даниэль - точно такие же советские люди как и судьи, которые их судят, и обыватели, которые наблюдают за процессом. Для них самих отождествление с советским мифом является решающей самоидентификацией.

«Но я не отношу себя к врагам, я советский человек и мои произведения — не вражеские произведения» (Синявский). «Как мы оба говорили на предварительном следствии и здесь, мы глубоко сожалеем, что наши произведения использовали во вред реакционные силы, что тем самым мы причинили зло, нанесли ущерб нашей стране. Мы этого не хотели. У нас не было злого умысла, и я прошу суд это учесть...Я хочу еще сказать, что никакие уголовные статьи, никакие обвинения не помешают нам — Синявскому и мне — чувствовать себя людьми, любящими свою страну и свой народ.» (Даниэль)

5. Основная мифологема воспринимается как элемент мироустройства. Для этого в мифологическом дискурсе в качестве исходных метафор часто используются природные, естественные социальные (семейные, общинные, приятельские) или

³³ На данный механизм действия мифа указывают цитируемые выше авторы: «Мифологическое отождествление имеет принципиально внетекстовый характер, вырастая на основе неотделимости названия от вещи» Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура / Б.А. Успенский Избранные труды т.1, С. 449.

наиболее простые бинарные отношения и признаки (малые народы). Видимо, это один из основных элементов мифологии. Мы легко вспомним о «Волге-матушке», «Рейне—отце», на ум нам сразу придет «Родина — мать», если мы сравним метафорический состав «Интернационала» и гимна Советского Союза, то мы легко увидим разницу основных мифологем конца 19 и середины 20 века. Знаменитое «у пролетариата нет своего отечества», сменяется «Советский Союз — отечество всех прогрессивных народов», а мироощущение «Мы на горе всем буржуям Мировой пожар раздуем, Мировой пожар в крови — Господи благослови» уступает место «Широка страна моя родная, Много в ней лесов, полей и рек! Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек.» Эти метафоры описывают разные миры, разные пространственно-временные условия в которых находится человек. Предреволюционная пора характеризовалась резким расширением границ возможностей человека: «Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью Йорка — на Марс!» В начале XX века с развитием транспорта и банковского дела впервые внешний мир для большого количества людей стал соразмерен их внутреннему миру, впервые разгорелась Мировая война, впервые в качестве виновника войны вместо названных «*Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты*» и «немцы и былые ставленники немцев», было «осознано» единое всемирное зло — мировая буржуазия, и одновременно возникла вера, что если зло названо, то его можно победить, покончить с ним одним ударом. Любопытно, что в «Декрете о роспуске Учредительного собрания» в качестве аргументации используются в основном временные параметры: «в течение всего первого периода российской революции», «выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения», «старый буржуазный парламентаризм пережил себя»; в то время как «Обращение к народом Малороссии» использует скорее территориальный дискурс «освобождаются русские области», «когда север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу все, чем богат каждый край, каждая область», «счастье и величие Родины и успех наших армий в их неукротимом порыве к сердцу России — Москве». Противостояние гражданской войны было и противостоянием дискурсов, в котором «красные» резко расширяя пространство до всего мира, сузили время до «За лето столетнее бейся, пой: - "И это будет последний и решительный бой!»; а «белые», настаивая на локальности места обусловленного «любовью к родному краю, к его особенностям, к его местной

старине» резко расширяли время от «сотканная вековыми усилиями Киева, Москвы и Петрограда» до «Лето Господне».³⁴ В зависимости от пространственно-временного дискурса меняются характеристики подлежащего. Для «белых» Русь - Святая, для красных — Советская республика, а в гимне СССР Русь становится Великой. В зависимости от прилагательного, которое ставится перед подлежащим носители мифологического сознания переживают определенные чувства и в соответствии с ними выстраивают свою жизнь. Люди, испытывающие другие чувства, воспринимаются носителями этого сознания, в лучшем случае, как люди из «другого мира», а в худшем, как «нелюди».

6. Медленная эволюция дискурса через девальвацию метафор. Люди естественным образом пытаются оградить свой чувственный мир от изменений. В отличие от знаний и даже действий, мы не можем сравнить свои ощущения ни с чем другим, потому что «других» ощущений у нас нет. Знания и действия другого человека могут стать для нас ориентиром для собственных изменений. Но при этом любому «другому» мы скорее всего припишем свои ощущения. Так, верующий в бога, сталкиваясь с хорошим, но неверующим в бога человеком, скорее всего подумает, что «в глубине души», тот является верующим. Однако опыт чувственного пережитого не может быть передан другому, и этому другому приходится формулировать свое отношение к существующей метафорике. Если личный чувственный опыт не приводит к появлению тех же чувств, что есть у другого поколения, то метафора девальвируется, и возникает иронический дискурс. Слово «поколение» вставлено здесь в силу того, что подтрунивание молодежи над стариками и взрослых над детьми является естественным элементом повседневной речи. Что уж говорить, когда речь заходит о борьбе двух мифологий.

«Чуть мы выучим **человека из народа** грамоте, тотчас же и заставим его **нюхнуть Европы**, тотчас же начнем **обольщать его Европой**, ну хотя бы **утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев**, - словом, заставим его устыдиться своего **прежнего лаптя и квасу**, устыдиться своих **древних песен**, и хотя из них есть **несколько прекрасных и музыкальных**, но мы все-таки заставим его **петь рифмованный водевиль**, сколь бы вы там

³⁴ «Заполненность мифологического пространства собственными именами придает его внутренним объектам конечный, считаемый характер, а ему самому — признаки ограниченности. В этом смысле мифологическое пространство всегда невелико и замкнуто, хотя в самом мифе речь может идти при этом о масштабах космических» Б.А. Успенский С. 439.

ни сердились на это», - иронизирует Достоевский над европейской культурой. Ответ Градовского по поводу русского народа не менее ироничен.

«Нужны ли законы, постоянно напоминающие людям, что они не братья, живущие в высшем духовном единении, но что они подвержены страстям, способны к зависти, к мести, к гневу и к нарушению прав ближнего? О, для таких людей все эти формы и формулы были бы оскорблением! Они коробили бы то нравственное чувство, которым живут эти люди. Чувство это — любовь, стремящаяся к согласию как к высшему выражению нравственного тождества людей. А закон есть вечное свидетельство их тождества, различия, даже раздора, которые закон старается примерить.. сквозь бледные черты моей картины он духовными очами своими разглядит картину в сотни раз пышнейшую, и окончательно вознесется от этой грешной земли туда, где обитает это удивительное общество.... Да, этот удивительный народ есть русский народ.»

Жирным шрифтом выделены метафоры, которые высмеиваются или при помощи которых высмеивается мифологический дискурс противника. Но ведь иногда мифологический дискурс одновременно может быть и властным дискурсом. Не отсюда ли произрастает окончательный смертный приговор Сократа³⁵ или сталинская ремарка «сволочь» на полях опубликованного рассказа Платонова «Усомнившийся Макар». Любопытно, что оба, и Сократ, и Платонов полностью осознают в чем их «вина».

«Перечитав свою повесть, я многое передумал; я заметил в ней то, что было в период работы незаметно для меня самого и явно для всякого пролетарского человека — кулацкий дух, дух иронии, двусмысленности, ухищрений, ложной стилистики и т.д. Получилась действительно губительная работа, ибо ее только и можно истолковать во вред колхозному движению.» (Из письма А.П. Платонова — И. В. Сталину от 8 июня 1931 г.)

Иронизируя над употребляемыми метафорами, художник показывает либо несоответствие самого переносимого значения, либо несоответствие самой метафоры объекту, при помощи которой он описывается. При этом сама метафора девальвируется, что было бы вполне естественно, если бы не одно «но»: «в самом мифологическом тексте метафора как таковая, строго говоря, невозможна.»³⁶ То есть, создание коммуникативного текста происходит через производство метафор, и по-

³⁵ Напомним, что окончательный приговор Сократу был утвержден после его оправдательной речи, в которой тот предложил оплачивать его расходы из афинского бюджета, как это делали для победителей Олимпийских игр, расценивая свою общественную пользу для полиса столь же высоко как и героев спортивных состязаний.

³⁶ Б.А. Успенский. Миф — имя — культура / Избранные труды т.1, М., 1996 с. 443

другому текст не может быть создан, но мифологический дискурс воспринимает созданную метафору не как метафору, а как часть реальной действительности, а в некоторых случаях - как ту часть, которая только и может реализовать программу по изменению действительности. Отсюда и репрессии в отношении авторов, «усомнившихся», т.е. иронически использующих метафорический слой мифологического дискурса: Галича, Бродского, Высоцкого и других.

Смена мифа. Известный рассказ Леви Строса о туземце, который нарушил табу и был изгнан колдуном из племени. Он пришел умирать к белому поселению, и белые врачи «оживили» его при помощи современной реанимационной медицины. Рассказ заканчивается любопытной реакцией туземного пациента. Тот делает заключение, что «колдуны белых» сильнее, чем «колдуны черных».

В России в течении последних 120 лет несколько раз изменился дискурс. Иногда эта смена ознаменовывалась кровавыми событиями Гражданской войны или Большого террора, иногда смена происходила относительно эволюционно, как в 90 годах XX века и в настоящее время. Но при этом форма мифологического сознания оставалась неизменной, создается впечатление, что одни «колдуны» просто оказывались сильнее других «колдунов». И если «силу колдовства» в Гражданской войне и Большом терроре объяснить сравнительно просто, то относительно бескровное поражение советского мифа и быстрая девальвация либерализма ставит перед нами определенную задачу.

Мы считаем, что этому способствовали две причины.

Первая. В мифологической форме метафорическая картина мира выражается при помощи антропологической метафорики. Это обусловлено прежде всего самим характером связи между собой различных элементов мифологического сознания. Как мы писали выше, единство и единственность мифологического мира конструируется исходя из логики того, что части этого мира рассматриваются как один предмет, расчлененный в семантически-ценностном плане, но не расчленяемый в существовании. Поэтому любая часть в этом мире не характеризует целое, а отождествляется с ним. Самый яркий аналог данного представления - сам человек или его сознание. Однако, создавая антропологическую метафорiku для объяснения устройства мира, мифолог невольно закладывает в них этическую и утилитарную оценку состояния самого человека. Все эти «родные», «дружественные», «великие», «могучие», «духовные», «медлительные», «застывшие», «чудовищные» и прочие характеристики не только описывают объекты мироустройства, но и легко

подвергаются эмпирической фальсификации. Но если мои утилитарные оценки опровергают существующий мифологический шаблон о «загнивающем западе» или «экономически эффективном капитализме», то одновременно может быть подвергнута ревизии и объектная картина мира. В этом заключается неустойчивость мифологических конструкций.

Второе. Дискурс - это не только признаваемые большинством шаблоны понимания, но и граница между смыслами внутри одного языка, которая требует перевода. При этом какие-то метафоры со временем естественным образом девальвируются и отдельные типы дискурса утрачивают смысл. Например, передовица в партийной газете «Правда», в 30—50 годы, передовицы в районной газете, радио, митинг были элементами одного дискурса, потому что лозунги на митингах, скорее всего, списывались с газетных заголовков. Собственно этот дискурс и определял реальность. В 60 — 80 годы изменяется политическая реальность, страна берет курс на мирное сосуществование, появляется большой объем современной западной литературы, кинофильмов, широко распространяется телевидение. Появляется выбор при покупке газет. И передовицу «Правды» перестают читать, даже не читать, а воспринимать как реальность. При этом дискурс не изменяется, и при определенных усилиях то, что написано в передовице можно перевести на язык 60 - 80 годов. Но особая заостренность внимания на слове, свойственная всему советскому периоду, приводит к появлению поэтов, писателей, актеров и музыкантов, которые могут выразить «советский» дискурс гораздо отчетливей и «правдивей», чем партийная газета. «Советский человек» осуждает Солженицына, безразличен к ссылке Сахарова, приветствует ввод войск в Чехословакию, но поет Окуджаву и Галича, читает Стругацких, Буглакова и Довлатова, слушает Пугачеву, Макаревича и Гребенщикова и пытается воспринимать себя и мир как Высоцкий. В этом нет никакого противоречия. Партийные штампы 30—50 годов давно девальвировали, они высмеяны в песнях, анекдотах и текстах. И как когда-то за два февральских дня рухнул миф «о царь-батюшке», но остается дискурс «сильной народной власти», так и теперь за три августовских дня рушится миф «всемирной партии», но остается дискурс «государства для народа». Осталось выяснить только один вопрос: «может ли дискурс влиять на возникновение институтов?»

Миф оказывается действенной и даже достаточно устойчивой формой дискурса. Но, подвергаясь естественным изменениям внутри этой формы, дискурс скорее сам зависит

от властных институтов государства и общества, он скорее сам изменяется в соответствии с логикой мифа, принимает специфические черты мифологии, заставляя писателя или поэта не изменять мир в соответствии со своими идеями, а изменяться самому в соответствии со своей речью.³⁷ Для решения задач, изменяющих реальность, существует другая форма дискурса — идеология.

Идеология

В этой главе мы рассмотрим условия, при которых дискурс может изменять институты. Под институтами мы будем понимать любое устоявшееся социальное взаимодействие. Это могут быть брачные отношения, похоронные обряды, отношения на военной службе или в пенитенциарных учреждениях, писанные или неписанные правила бюрократии, общественные организации и государственные институты. Нам важно понять, какие изменения в речи могут повлиять на человеческие отношения так, чтобы эти новые отношения просуществовали в неизменном виде хотя бы сто лет.

Человек - существо целесообразное, то есть локально, в рамках уже не раз решаемых задач, при наличии свободного времени и неизменных условий человек скорее всего поступит так же, как он поступал до этого самого случая. И так как он при наступлении данного случая еще жив и имеет такие прекрасные условия для осуществления своего выбора, будем считать, что до сих пор он поступал целесообразно. Однако, чтобы данное свойство могло реализоваться за пределами описанных нами условий, нужна как можно более полная информация при принятии решения, что в силу ограниченного характера человеческого существования и в индивидуальном, и в родовом смысле — невозможно. Поэтому человек вынужден конструировать полноту.

Условно можно предположить, что существуют два вида конструирования полноты. Первая исходит из локального опыта существования человека как индивида. Это опыт его собственной жизни, а также рассказы о жизни тех близких, кому он доверяет. Чаще всего это происходит в форме нарратива, и мы будем считать данную полноту «исторической». Вторая — передается человеку в виде шаблонов, которые разделяют референтный для данного индивида круг людей. Эти шаблоны являются основанием для самоидентификации индивида как члена социума, выходящего за пределы его «собственной истории». В качестве такого социума могут выступать

³⁷ «Хотелось сказать «Довольно! Найдите другой язык». Есенин / Анна Снегина

корпорация, конфессия, народность, нация и наднациональная общность (империя, республика или Европейский союз). Этот второй вид мы будем называть здесь идеологией.

Следовательно, остается предположить, что в основании идеологии лежат конкретные вопросы реального человека, при нахождении ответов на которые он использует принятые в обществе шаблоны. Потребность в идеологии наступает для индивида тогда, когда он, в силу каких-либо причин, не в состоянии ответить сам на смыслообразующие вопросы своего существования.

Мы предполагаем, что число этих вопросов ограниченное, потому что отношений, которые обуславливают факт длительного существования человека «как родового существа», немного. И, как любые отношения, они обусловлены не носителями, а характером связи между носителями. Первое – это отношение человека с природой или внешним для него миром, в состав которого могут входить даже другие люди, если отношения между человеком и этими людьми подчиняются исключительно природным законам (всё, что не такое, как «Я»). Второе, это отношения между человеком и другими людьми, которые основаны на признании того, что другие люди такие же «Я». При этом «человеческое» отношение может распространяться на все, что человек «приручил», будь-то домашние животные, растения, машины и другие предметы, не имеющие никакого отношения к собственно социальной сфере (все, что такие, как «Я»). И, наконец, последнее – это саморефлексия по поводу собственного «Я»; оно вторично, т.к. возникает лишь в те моменты, когда в первых двух отношениях появляются проблемы, и достаточно устойчиво, потому что, будучи установленным, существует до следующих серьезных проблем в первых двух сферах.

Вступив в эти отношения, человек вынужден отвечать на ряд вопросов. При этом истинность ответа обуславливается определенной процедурой проверки: как осмысленности самого вопроса, так и адекватности полученного на него ответа. Первичная дихотомия «не Я» и «Я», лежащая в основании отношений, оказывает непосредственное влияние на эти процедуры, постепенно формируя две, не зависящие друг от друга, области исследований: науку и этику. Сложнее с третьим отношением: человека к самому себе как к «Я». По большому счету, никакой процедуры установления объективной истинности данное отношение не предусматривает. Изменение «Я» происходит в результате внутреннего переживания, которое принципиально недоступно процедурам эмпирических проверок. Однако вторичность

саморефлексии, порожденной либо внешними по отношению к моему «Я» проблемами, либо проблемами моего «Я» с «Другими как Я» порождает две близких, но отличных друг от друга формы самосознания человека: искусство и религию.

Вопрос об отношении к внешнему для «Я» миру можно представить как вопрос «как устроен этот мир?» Очевидно, что любая попытка ответить на этот вопрос должна проводиться с помощью конструирования таких категорий как объект (количество, качество), причина или отношения, в которых он (объект) взаимодействует с другими объектами. По существу, мы в этой области получаем ответ на вопрос «Что это за вещь?» или «Как функционирует предмет», который мы исследуем. И это помогает нам предсказать, как он будет функционировать в дальнейшем.

Этические вопросы возникают в результате решения проблемы: «как вести себя с другим человеком, чтобы при этом оставаться человеком самому?» Необходимыми категориями, описывающими эти отношения, являются: «субъект», который берет на себя полную ответственность за свои действия, по отношению к другому субъекту; «поступок» (событие), в котором происходит взаимодействие с другим субъектом; «оценка» поступка с точки зрения цели или идеала и «дескриптивное определение» правильности или неправильности данной оценки. При этом естественная моральная установка может заменяться ценностно-ориентированной идеологически «правильной» установкой. Для нас главное, что в этой области мы получаем ответы на вопрос: «какие действия нужно делать, а какие не делать?».

Ответ на вопрос «кто я?» в традиции принимал религиозную форму. Форма ответа определялась тем, что область вопроса выходила за рамки «здесь и сейчас» и требовала определения того, «что такое человек?», но не с точки зрения объективного ответа, а с точки зрения смысла его жизни вообще, то есть предполагала ответ на вопрос «зачем человек живет?» И, так как никаких объективных критериев для финального вопроса человеческого существования у нас нет, то ответ переносился в сферу эмоционального; по существу, в религии человек имел дело исключительно со своими эмоциями и чувствами. Этот ответ человек не понимает, а переживает. И именно переживание удостоверяет для него истинность ответа. Соответственно возникает проблема постоянства переживания, которая оказывается неразрешимой в силу естественной психологической изменчивости субъекта и бесконечности объекта.

Так как действительность, которой задаются данные вопросы, осмысленна, – сам вопрос принимает целесообразную форму: «за что я страдаю?» Это вопрос об определенности «Я» через соотнесенность его перспективы со смертью и жизнью

социального слоя, сформировавшего уникальность данного «Я». Мы способны сопереживать чужому горю, но лишь свое собственное горе ставит перед нами проблему «переживаемости мира». Смерть и страдания близких тебе людей обесмысливают твою жизнь. Ведь смысл жизни «Я» задается не из себя, его определяют люди, которые либо выступают для человека как авторитеты, либо для которых оно сам является авторитетом. И, если смерть прерывает эту связь, то вне данной ответственности социально-психологическая жизнь теряет смысл. Однако ни смерть, ни страдания невозможно предотвратить. Их причина может быть обезличенна, а справедливое отмщение невозможно или бессмысленно. Поэтому формой ответа становится наделение естественной социальной ситуации сверхъестественным, трансцендентным (часто природным) смыслом, но при сохранении обращения к этому трансцендентному как к субъектному: «Что я сделал тебе, почему ты так относишься ко мне?» или «Господи, помоги».

Тем самым в религии происходит как бы удвоение мира. Духовная потребность через переживание участия в ритуале порождает веру в Бога как в определенную Картину Мира, чтобы получить объяснение, которое помогает пережить (выстрадать) возникшую духовную потребность. Человек при помощи религии, переходя через переживание из мира имманентного в мир трансцендентный, получает объяснение своей собственной имманентности.

Искусство в миметической форме дает возможность человеку осмыслить и принять свое отношение к миру таким, каким он (мир) может быть. В силу ограниченности реальной жизни, человек, потребляя произведения искусства, в превращенной форме удваивает или даже утраивает свою жизнь, оказываясь в тех ситуациях, в которых никогда в реальности оказаться бы и не смог, например, при рождении младенца в Назарете или на тexasском ранчо наедине с маньяком. При этом, так как переживания человека даны ему непосредственно в ощущениях, эстетическая форма, хотя и не отождествляется с реальной жизнью, тем не менее неотделима от этой реальности и в иных случаях может стать «единственной ценной» реальностью в переживании прожитого. Однако эстетическая форма, удваивая и утраивая мир, помогает человеку ответить на еще один важный вопрос. Если в религии мы имеем дело лишь с одной единственно правильной реальностью и у нас нет никакого эмпирического критерия убедиться в истинности получаемого ответа, то множественность эстетических переживаний помогает нам понять, «как именно надо поступать, выглядеть, действовать?» Тем самым искусство задает нам эмоциональную

форму возможных оценок для всех трех мировоззренческих ответов, полученных нами ранее.

Однако во всех этих формах отношения к миру есть одна общая деталь, объединяющая их — это субъект или действующее «Я». Этика, по большому счету, и есть саморефлексия личности над своими действиями с точки зрения того, какими должны быть поступки автономной «Личности». Религия, объясняя как устроен мир, показывает пределы эмоциональных возможностей человека и в плане индивидуального (смерть, страшный суд, нирвана, духи предков), и родового существования (община, церковь, умма, варна). Через эстетическую форму мы усваиваем весь спектр возможных форм переживания, т.е. эмоционального существования «Я». Наконец, наука, хотя и подчеркнуто дистанцируется от антропоморфизма, нацелена на то, чтобы мы могли получить такие знания о мире, которые позволяют нашему «Я» действовать в этом мире наиболее эффективно. При этом определенность самого «Я» существенно зависит от двух переменных: от действия, которое «Я» производит и от его места в социальной структуре.

Здесь самое время пояснить различие идеологии и мифологии как форм общественного сознания. Это различие может быть как синхронным, так и диахронным. С точки зрения истории, мифология раньше идеологии, можно даже сказать, что это определенный этап развития идеологии. Ведь по существу мифология имеет ту же самую структуру, что и идеология. В этом нет ничего удивительного, т.к. мировоззренческие вопросы, которые возникают для человека, в принципе одинаковы, поэтому мифологию можно считать одним из ранних элементов религиозного восприятия мира. Однако, мы только что показали, что мифология может существовать в наше время, т.е. мифология — не исчезнувший этап развития человечества. При определенных условиях мифология может возникать снова и снова; как только человек переходит к упрощенному пониманию действительности, мифологический элемент в идеологии берет верх, и вместо сложной идеологической конструкции мы получаем привычный набор устоявшихся мифологем.

Если же рассматривать синхронное существование мифологии и идеологии, то ответы, которые удовлетворяют человека при мировоззренческих поисках, могут быть принципиально разными. В мифологическом сознании в качестве ответа «о причине наших бедствий» вполне принимается отождествление с какой-либо одной частью всего универсума событий. Например, такой одной причиной могут быть «мировая буржуазия», «евреи», «коммуняки», «москалы», «черт» и т.п., а идеология, в силу

наличия структуры, помогает проанализировать событие с разных сторон и в некоторых случаях найти его конкретную причину. Здесь важно понимать, что эта конкретная причина не обязательно будет истиной. Но идеология нужна именно для совместных действий в рамках разделенного труда. Поэтому в какой-то мере обоснование последующих совместных действий будет опираться и на научные представления о том, «что из себя представляет предмет», на который направлены наши действия. Идеология и мифология проявляются не тогда, когда описывают предмет, а тогда, когда люди создают коммуникацию, то есть передают другим смысл своих действий или оправдываются, или агитируют за будущие действия. В этот момент появляются различия. Поэтому анализировать мы должны сначала структуру связанных смысловых отрывков, а уже затем грамматические элементы текста..

В качестве иллюстративного материала рассмотрим текст «декрета о мире», который мы исследовали выше. Текст в смысловом плане делится на 5 отрывков. В первом, состоящем из трех предложений, правительство предлагает заключить мир, во втором, состоящем из двух сложных предложений, правительство формирует свое отношение к Первой мировой войне и соглашается рассмотреть любые другие соглашения, которые приведут к миру, в третьем, в двух предложениях, правительство формулирует свое отношение к тайной дипломатии и тайным договорам, в четвертом, состоящем из двух предложений, правительство говорит о способе ведения переговоров и в пятом, в одном сложном предложении, правительство предлагает немедленное перемирие, во время которого могли бы быть сформированы субъекты будущих переговоров о мире.

Уже на этой стадии мы можем сказать, что перед нами безусловно идеологический текст: во первых, он имеет адресатов, т. е. является моментом коммуникации, причем сложной, это — и другие правительства и народы, и граждане своей страны, прежде всего воюющие солдаты; во-вторых, призывает адресатов к будущим совместным действиям.

С точки зрения грамматики мы прежде всего должны обратить внимание на связь подлежащего и сказуемого. Во-первых, потому что «первоначальное предложение» - это и есть подлежащие и сказуемое. Причем, основной смысл предложения несет сказуемое, оно соединяет подлежащие с объектом. Без сказуемого подлежащие теряет смысл. Прежде всего в силу того, что активно действующее подлежащее не является самостоятельным автономным объектом и приобретает свои характеристики, а часто и имя, в зависимости либо от места в структуре, либо от функций, которые выполняет.

Во-вторых, потому что уточнения и спецификация сказуемого описывает функционал подлежащего, собственно говоря, «по делам их мы познаем их».

В рассматриваемом тексте «Правительство» «предлагает начать переговоры», «считает», «предлагает заключить мир», два раза «выражает готовность», «заявляет свою решительность», «заявляет, что оно не считает», «соглашается рассмотреть», «отменяет», «объявляет отменным», «назначает», «предлагает заключить перемирие». Всеми этими действиями «Правительство» конституирует само себя как инструмент политики, ведущей к миру. Собственно говоря, «мир» - и есть одна из целей, для которых создавалось это правительство, а так как легитимность правительства, возникшего в результате переворота, оставалось сомнительной, то в качестве респондентов послания рассматриваются «представители народностей или наций» и «полномочные собрания народных представителей», т. е. правительства, созданные волей народа, но именно на такой легитимности и основывается само правительство большевиков и левых эсеров.

Анализ примененных сказуемых показывает не только субъектность подлежащего (считает, выражает, заявляет, отменяет, назначает), но и возможный спектр его действий (предлагает: начать переговоры, заключить мир, заключить перемирие). Если мы сравним текст данного декрета с «Обращением к народам Малороссии» или с «Высочайшим манифестом от 2 августа 1914 года о войне с Германией», то довольно легко обнаружим отсутствие в рассматриваемом тексте страдательного залога, столь характерного для документов, которые скорее скрывают смысл своих действий. Наиболее отчетливо это видно в тексте уже приведенном нами ранее «обращении ГКЧП», в котором собираются «в полном объеме восстановить гордость и честь советского человека, еще вчера оказавшемуся за границей». Используемый в данном случае страдательный залог говорит о реальной жизни советского человека гораздо больше, чем приписываемые ему духовные качества. Однако, если мы вновь обратимся к структуре идеологии, то должны будем сказать, что не только спецификация действия ведет к конституированию субъекта: например, под влиянием научных открытий или развития технологий может измениться направленность действия на предмет, образ действия может измениться под влиянием эстетических норм, наконец, человек может понять бессмысленность некоторых своих действий.

При переходе к анализу метафорики мы хотим еще раз подчеркнуть отличие мифологической формы дискурса от идеологической. В мифологии связывание

подлежащего с объектом действия происходит при помощи прибавления признаков к объекту. По существу взаимодействие подлежащего с второстепенными членами предложения и определяет выбор сказуемого. В идеологии изменение сказуемого влечет за собой прежде всего изменение названия подлежащего, и выбор второстепенных членов предложения зависит от связки подлежащего и сказуемого. В мифологической форме происходит процесс идентификации подлежащего через определенный набор признаков, выраженной чаще всего при помощи метафор. В идеологии выбор метафор происходит через институционализацию сказуемым подлежащего.

В качестве иллюстрации используем по одному предложению из «Обращения к народам Малороссии» и «Декрета о мире». Первое предложение относится к мифологической форме, второе - к идеологической. В первой при помощи метафоры описывается единство русского народа, во втором — мир, который считает необходимым заключить Правительство.

«К древнему Киеву, «матери городов русских», приближаются полки в неудержимом стремлении вернуть русскому народу утраченное им единство, то единство, без которого великий русский народ, обессиленный и раздробленный, теряя молодые поколения в братоубийственных междоусобиях, не в силах был бы отстоять свою независимость; - то единство, без которого немыслима полная и правильная хозяйственная жизнь, когда север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу все, чем богат каждый край, каждая область; - то единство, без которого не создалась бы мощная русская речь, в равной доле сотканная вековыми усилиями Киева, Москвы и Петрограда.»

Метафоры, описывающие единство России, относятся к «защите независимости русского народа», «восстановлению экономической модели, основанной на обширном рынке» и «традиционной культуре». Этот список можно расширить или сузить в зависимости от политических задач момента, так, «независимости русского народа» в данный момент ничего не угрожает, Первая мировая война уже прошла, а «мощная русская речь» вставлена в противовес ситуативным «союзникам», которые внезапно стали «противниками». Сказуемое, выраженное глаголом «вернуть», в данном случае не несет определяющей смысловой нагрузки, мы можем заменить его синонимичными глаголами «воссоздать», «восстановить» и т. п. Основной смысловой центр предложения в наборе оценочно-экспрессивных метафор, состоящих часто из более чем двух слов. Именно через эти метафоры авторы хотят передать смысл военной кампании, и тем самым создать коммуникативное взаимодействие. Весь

коммуникативный ряд должен отвечать на вопрос «зачем» воинам нужно жертвовать своей жизнью. Однако в силу его художественно-мифологической формы мы видим перед собой псевдоответ. Каждая из приведенных метафор описывает возможное будущее или прошлое, которое никак не соотносится с индивидуальными усилиями конкретного человека. Конечно, в голову сразу приходит метафора о строителях Шартрского собора, но хотелось бы продолжить ее риторическим вопросом: «что будут делать строители собора, если у них не найдется средств на каменотесов и носильщиков камней?»

«Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.»

В предложении при помощи метафор описывается мир, который считает нужным заключить правительство. Этого мира **жаждет** большинство истощенных, измученных и истерзанных войной трудящихся (тем самым обосновывается легитимность правительства и экстраординарность его действий), этого мира **требовали** самым определенным и настойчивым образом люди, которые совершили признанную всеми другими странами революцию (обосновывается историческая преемственность нового правительства). Первая оценочно-экспрессивная метафора описывает подлежащее придаточного предложения, поэтому выбор используемого в сказуемом глагола обусловлен состоянием самого субъекта действия, но, как мы видим, он не случаен, потому что обосновывает характер действий правительства, т. е. косвенным образом отвечает на вопрос: «почему правительство вынуждено действовать именно так?» Вторая оценочная метафора также описывает определенный образ действий правительства и тесным образом связана с глаголом «требовать», отвечая на вопрос «как требовать?» Обе метафоры относятся к эстетической оценке действительности и не претендуют на роль целевой причины действия. В качестве целей правительства в главном предложении используется когнитивная метафора «немедленного мира без аннексий и контрибуций».

Любопытно, что в обоих рассматриваемых нами предложениях в качестве целей деятельности используются метафоры, содержащие в себе отрицание. В первом случае «единство» невозможно «без ...», во втором - и сам мир должен быть «немедленным» и

заключаться он должен «без...» Это наталкивает нас на мысль, что авторы обоих текстов знают не столько, «что им нужно», сколько четко осознают, «что им не нужно». Эту догадку подтверждает два идеологических текста. Первый фрагмент окончания последнего слова на суде Буковского: «Но процесс духовного прозрения общества уже начался, остановить его **невозможно**. Общество уже понимает, что **преступник не тот**, кто выносит сор из избы, а тот, кто в избе сорит. И сколько бы мне **ни пришлось** пробыть в заключении, я никогда **не откажусь** от своих убеждений...». Второй отрывок из последнего слова на суде Навального: «Сам от себя я **никуда не убегу**. ... Я считаю, что **ни один из нас не имеет сейчас права на нейтралитет. Ни один из нас не имеет права**, чтобы уклониться от того, чтобы делать мир лучше.» Перед нами безусловно риторические приемы с целью обоснования идеологических позиций, вопрос лишь в одном, «почему человек вставляет в свои тексты «лишние» слова?»

На наш взгляд, использование «лишних» слов или метафор в этих текстах и является самым главным. По большому счету, они-то и есть дискурс. Если человек вставляет эти слова, хотя смысл предложения от этого не меняется, то значит что-то заставляет его в данном месте текста использовать либо метафору с отрицанием, либо какую-то языковую идиому. Мы склонны предположить, что дискурсивные приемы используются для замещения в структуре текста позиций, которые должны быть при полном ответе на мировоззренческие вопросы, описанные нами выше. По существу, дискурс замещает необходимые по смыслу, но неизвестные по содержанию элементы из структуры идеологии.

Так метафора «немедленного мира» приводит сначала к риторическим формуле Троцкого «ни мира ни войны, а армии распустить», затем к конкретному Брестскому миру, июльскому кризису Советской власти и, косвенным образом, к началу гражданской войны с использованием обоими сторонами конфликта террористических методов в отношении гражданского населения. Все это - возможное будущее, и в октябре 1917 года оно пока не известно, но для обоснования государственного переворота большевики и левые эсеры используют метафору «немедленного мира без аннексий и контрибуций». Эта метафора отвечает на вопрос «зачем?». Причем действия и средства, которые для этого нужно применить, так же описывается рядом метафорических понятий «справедливый демократический мир», «чужие народности», «слабые народности», «сильные и богатые нации», «величайшее преступление против человечества». Все эти метафоры нужны для того, чтобы объяснить «как нужно действовать», чтобы достичь поставленной цели. Не удивительно, что вся эта риторика

не оказывает никакого влияния на принятие решений генерального штаба Германской империи, после ультиматума Троцкого и срыва им переговорного процесса 11 февраля 1918 года. При решении вопроса о своих дальнейших действиях немецкие военные ориентируются исключительно на количественные расчеты их возможных последствий.

Все вышесказанное приводит нас к нескольким выводам.

1. Для каждого из исторически сложившихся больших языков существует свои неперебиваемые дискурсивные стратегии, это обусловлено как различными техниками создания метафор, так и разницей коммуникативных средств, существующих на данный момент в обществе. Отсюда все сложности при переводе юмора с одного языка на другой.

2. Для выражения дискурса в русском языке наиболее часто используются оценочные, оценочно-экспрессивные метафоры и идиомы, что обусловлено самим характером функционирования русского языка, в котором разнообразие устных форм преобладает над широким распространением письма. Это можно объяснить сравнительно незначительным функционированием в обществе практики письменных контрактов и правоприменения. Отсюда становится ясным, почему «Поэт в России больше, чем поэт».

3. Дискурс иногда оказывает влияние на формы осуществления мифологии и идеологии, но значительно чаще он сам изменяется вследствие перемены культурных форм существования общества. Так, распространение в обществе идеологической формы существования дискурса зависит от развития форм разделения труда в данном обществе.

4. Так как дискурс выполняет замещающую функцию в смысловой структуре высказывания, конкретное применение дискурс-анализа может помочь нам понять не только, с какой формой мифологического или идеологического сознания мы имеем дело в данном конкретном тексте, но и проанализировать скрытую от самого автора семантическую коннотацию текста.